

О чём не говорят мужчины

Роман о том, как
становятся отцами,
сыновьями и теми,
кто прощает

Н УРБЕК
УРМАХАНУЛЫ

Нурбек Турмахан

О чем не говорят мужчины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72225349

SelfPub; 2025

Аннотация

Он рос в шумной квартире с тонкими стенами, среди криков, боли и запаха перегара. Учился молчать, когда сердце рвало изнутри. Учился быть сильным – не потому что хотел, а потому что выбора не было.

В каждой главе – путь мальчика, который стал мужчиной. Без отцовских советов, без права на слабость, но с несломленной мечтой.

Это история о том, как одни воспоминания режут, а другие – лечат. Как любовь может ждать пятнадцать лет.

И о том, о чём мужчины не говорят. Но чувствуют. Всегда.

Содержание

Часть I. Дом, который прятался в наушниках	4
Глава 1. Квартира	4
Глава 2. Один дома	6
Глава 3. Когда был снег	10
Глава 4. Те, с кем он живёт	12
Часть II. Где заканчивается детство	15
Глава 1. Маршрут от школы до дома	15
Глава 2. Книга, которая знала ответы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Нурбек Турмахан

О чем не говорят мужчины

Часть I. Дом, который прятался в наушниках

Глава 1. Квартира

Город назывался так, как будто его придумали в спешке – серый, звенящий на стыке двух дорог, он стоял посреди ничего, окружённый однотипными многоэтажками, пыльными рынками и остановками, где даже летом пахло промозглой весной. В нём всё казалось временным: мосты, скамейки, люди. Только дома стояли прочно – как будто навечно.

Квартира была на третьем этаже хрущёвки с облупленным фасадом. Подъезд с жирным налётом времени, почтовые ящики с проржавевшими щелями и лифт, который не работал уже лет семь. Чтобы попасть внутрь, нужно было постучать три раза и толкнуть дверь плечом – замок заклинивало.

Внутри пахло уксусом, жареным луком и чем-то металлическим. Пол поскрипывал даже под кошкой. Вечерами сте-

ны становились тонкими, как бумага: слышно было, как ругается соседка снизу, как кашляет дед справа, как ребенок плачет через две квартиры.

Комната Амира – узкая, как пенал. Кровать прижата к стене, у окна – старый письменный стол с разошедшейся столешницей, на ней выцарапаны буквы. Над столом лампа с абажуром, который когда-то был белым, а теперь – цвета старого молока.

На стене – постер «Один дома», неровно приклеенный скотчем, по углам отклеился, трепещет на сквозняке. Рядом – вырезки из журналов: Том и Джерри, старый логотип “Cartoon Network”, кадры из какого-то фильма про далёкие страны, где дома из дерева, а солнце не прячется неделями.

Книги стоят стопками. На полке – её нет. Просто на полу, у стены. Он любит перечитывать. Особенно один абзац – про мальчика, который решил больше никогда не плакать. И не смог.

Музыкальный плеер – китайский, облупленный. Наушники запутаны, как провода в заброшенном доме. Он надевает их всегда одинаково: левый – в первое ухо, правый – потом. Ритуал.

Он включает музыку. Песню, которую слышал впервые ещё в детстве. Она будто распутывает узел внутри.

За окном – маршрутки с битыми фарами, сломанная скамейка, мужчина в грязном пуховике, который каждое утро курит у столба. Он даже стал привычным.

Амир садится на подоконник. С чашкой чая – заварка старая, дно чашки треснуло, но мама не выбрасывает, говорит: «Пусть ещё послужит».

Он смотрит вниз.

Слушает музыку.

И как будто уходит.

Не в город. Не в себя. А куда-то, где всё другое. Где отцов не бывает пьяных, где стены толстые, где книги шепчут, а не молчат. Где он – не тень.

И вот в такие моменты он чувствует: этот дом – не его. Но он – в нём. И пока музыка играет, пока чай не остыл, пока за окном всё такое же – он ещё может быть собой.

Глава 2. Один дома

Амир смотрел «Один дома» каждый Новый год. Не потому что смешно. Не потому что весело. А потому что этот фильм был – последним убежищем.

Когда-то вся семья собиралась в одной комнате. Пахло мандаринами, мама приносила салат в пластиковой миске, отец громко смеялся над тем, как Кевин поджарил вора утюгом.

Братья были ещё совсем малыши, сидели с открытыми ртами, а Амир – в обнимку с подушкой, в носках с дыркой на пятке. И хотя за окном шёл серый снег, а в квартире лампочка мигала, внутри было тепло. Настоящее. Семейное.

Они смеялись.

Они были вместе.

Потом всё распалось.

Братья подросли и уже не верят в чудеса. Мама уставала даже просто смотреть в сторону телевизора. А отец... он уже давно не был частью праздников. Иногда его не было вовсе.

Но Амир продолжал смотреть. Каждый год. Одинаково. В одних и тех же тапочках. С той же треснутой чашкой.

Он включал «Один дома» – не как кино, а как обряд.

Как будто через экран мог достать то, чего уже нет.

Как будто фильм держал в себе тот единственный вечер, когда всё было хорошо.

Он любил книги так же. Не меньше. А может, даже больше.

Книги были как параллельные вселенные, куда можно было сбежать без паспорта. Они не задавали вопросов, не ругали за оценки, не били, не орали, не пахли перегаром. Они просто открывались – и впускали.

Он читал под одеялом, с фонариком, чтобы не будить братьев. Иногда даже дышать боялся громко, чтобы слова не разбежались со страниц.

В книгах всё было по-другому.

Папа не пил. Мама смеялась. Братья вместе с ним гуляли по вечерним улицам, держась за руки. Никто не орал. Никто не плакал.

И главное – никто не боялся возвращаться домой.

Иногда он забывал, что всё это – не его. Что это придумано. Что завтра снова будет реальность. Но даже если ненадолго – там, внутри книг, он был жив. Он был любим. Он был нужен.

Вчера всё повторилось.

Папа пришёл поздно. Запах алкоголя заполнил квартиру с порога, как дым из пожара. Мама даже не обернулась – только поставила сковородку на плиту и тихо сказала:

– Ребята, идите в комнату.

Амир не ушёл. Он видел, как отец приближался, как сжимал кулаки, как начал с обвинений – и дошёл до крика.

Потом – резкий звук. Удар. Мама упала.

И тут всё произошло слишком быстро.

Амир выдернул братьев из комнаты, затащил в ванную, включил воду и закрыл дверь.

– Не выходить, что бы ни было, слышите?

Младший дрожал. Средний держал его за плечи.

Амир вернулся в кухню. Встал между мамой и отцом.

Получил сразу. Потом ещё. Он не считал удары. Помнил только вкус крови на губах и злость – не на отца, нет. На этот мир. На этот дом. На себя.

Когда всё стихло, и папа ушёл хлопнув дверью, мама сидела на полу и гладила его по голове.

– Он просто... устаёт, сынок. Он же любит нас. Просто по-своему.

Каждый раз, когда Амир пытался ей сказать:

Почему ты не уходишь? Почему защищаешь его? —
мама только грустно улыбалась и рассказывала одно и то же.

— Ты был маленьким. Совсем. Месяц тебе был. Мы простудили тебя. Ты перестал дышать...

Я думала, не выживешь. В больнице не пускали никого, а папа... он залезал на дерево.

Каждый вечер. Через дорогу от реанимации.

Он висел на тонких ветках, лишь бы взглянуть в окно.

В седьмой или восьмой раз упал.

Но когда увидел, что ты дышишь — стал на колени. И молился.

Он любит тебя, сынок. Он просто... другой.

Амир слушал. С комом в горле.

Он не знал, как чувствовать себя: злым или благодарным.

Обиженным или понимающим.

Папа, который бил. И папа, который молился.

Два человека.

В одном теле.

И в одной памяти.

Глава 3. Когда был снег

Иногда воспоминание приходит не по своей воле.

Иногда – от запаха.

Иногда – от звука.

А иногда – просто так. Ни с того ни с сего.

Амир шёл по коридору, когда взгляд зацепился за старую фотографию. Она висела криво – на гвозде, в рамке без стекла. Угол был сломан, и подложка уже выцвела от времени.

На фото – они. Вчетвером.

Зима.

Двор.

Снеговик – неровный, с морковкой наискосок и ведром, которое всё время падало.

Отец держит его за плечо, мама стоит сзади, братья в комбинезонах машут руками.

Все улыбаются.

Широко. По-настоящему.

Амир тогда был совсем маленьким, но этот день он помнил отчётливо. Это был, кажется, единственный раз, когда вся семья вышла во двор вместе. Они лепили снеговика, кидались снежками, отец поднял маму на руки, а мама засмеялась так громко, что соседка выглянула из окна.

После этого была лапша, чай с лимоном, мокрые вареники на батарее и запах ванили – мама пекла что-то, но все гово-

рили, что неважно что, главное – как пахнет.

Этот день был как мираж. Как сцена из чужого фильма, который случайно оказался твоим.

С тех пор всё изменилось. Снег стал серым. Отец – тяжёлым. Улыбки – редкими.

А фото осталось.

И каждый раз, проходя мимо, Амир чувствовал, как внутри него что-то отзывается.

Он пытался вспомнить – где тогда спряталась вся эта доброта? Она правда была? Или он её придумал? Или... она была, но исчезла вместе с тем снегом?

Глава 4. Те, с кем он живёт

Иногда кажется, что дом – это просто стены и крыша.

Но Амир знал: дом – это люди, которые дышат в тех же комнатах, что и ты.

И вдыхая запах жареной картошки, он почти безошибочно определял:

кто сегодня устал, кто в плохом настроении, а кто будет молчать до самого вечера.

Мама – Айша.

Её всегда было много, и в то же время – мало.

Она вставала рано, когда улица ещё только просыпалась, и уходила в халате, запахнутом поверх медицинского халата. Брала с собой тёплый чай в термосе, бутерброды и книгу. Айша всегда читала – в автобусе, в очереди, даже стоя у плиты.

Она умела видеть сквозь людей. Могла по одному взгляду понять, что сын не ел, что муж опять пил, что у младшего поднялась температура.

Говорила редко, но метко. Иногда её фразы были как диагнозы – точные, без жалости, но с любовью.

Айша не плакала. Даже когда приходилось залатывать дыры – и на носках, и в душе.

Она обеспечивала всю семью на свою зарплату врача, считая каждый тенге. Когда деньги заканчивались, просто заты-

гивала пояс крепче. Никогда не жаловалась. Только иногда по ночам – очень тихо – читала стихи.

Папа – Арсен.

Он был разный. Когда трезвый – мог починить табурет, поднять Дармена на плечи, даже принести домой мороженое.

Когда пьяный – становился другим. Грубым, тяжёлым, неуправляемым.

Работал бригадиром на стройке. Говорил, что устает от жизни. Что никто его не понимает. Часто молчал часами, глядя в одну точку. Иногда приходил с пылью на сапогах и запахом, от которого хотелось открыть все окна.

Амир не знал, каким он был раньше. Но иногда видел, как тот прежний отец всё ещё просвечивает – в каком-то жесте, в обрывке фразы. И от этого становилось только больнее.

Дамир – шестилетний философ.

Говорит мало, но точно. Может сказать:

– А если папа добрый, просто злой в другое время?

И замолчать на полдня.

Любит рисовать дома. Именно дома: с трубами, дымом, открытыми окнами. И всегда рядом рисует маму.

Он боится громких звуков, но старается быть храбрым – как старший брат. Часто ходит за Амиром хвостиком. В следующем году пойдёт в школу. Уже сейчас готовит пенал.

Дармен – младший, ему четыре.

Он ещё верит, что весь мир крутится вокруг него. Любит играть с ложками, устраивать «поезд» из тапочек и засыпать,

прижавшись к животу мамы.

Иногда он просто смеётся – и в доме на пару минут становится светло.

Амир иногда завидует ему – его наивности, его неведению. Дармен пока не знает, что бывают ночи, когда мама спит в куртке, потому что забыла снять. И папа – это не всегда тот, кто держит за руку.

Амир – старший. Восьмой класс.

Он не выбирал быть взрослым. Просто так вышло.

Он знает, где лежат ключи от ванной, где прятать братьев, когда в квартире начинается буря. Знает, как экономить деньги, как отводить взгляд, когда отец начинает ругаться.

Но он также знает, как закрыть дверь, включить музыку и стать другим.

Таким, каким он мечтал быть.

Тем, кто когда-нибудь всё исправит. Или хотя бы попробует.

Иногда, глядя на свою семью, Амир не знал, что чувствовать.

Любовь, обиду, жалость, гнев – всё переплеталось.

Но одно он знал точно: это его люди.

Сломанные. Сложные. Но свои.

И пока они живут под одной крышей, дом будет стоять.

Даже если трещит по швам.

Часть II. Где заканчивается детство

Глава 1. Маршрут от школы до дома

Звонок прозвенел, как выстрел.

Амир поднял голову от парты, не сразу сообразив, что урок закончился.

За окном было пасмурно, и свет ламп казался холодным. В классе кто-то смеялся, кто-то ругался, кто-то шаркал ногами по линолеуму. Шум был привычным – как фон старого телевизора.

Он молча собрал тетради. Учитель даже не посмотрел в его сторону – просто поставил галочку в журнале. Без оценки. Без слов.

Амир знал: когда ты не отвечаешь месяцами, тебя перестают замечать.

Сначала с интересом. Потом с равнодушием.

На улице дул ветер. Листья лежали в лужах, как забытые письма.

Амир шёл с опущенной головой, рюкзак на одном плече, плеер в кармане. Наушники были запутаны, как мысли. Музыка не включалась – батарейки сели, но он всё равно их

держал в ушах.

От школы до дома – ровно девятнадцать минут. Он знал каждую трещину в асфальте, каждый забор, каждый камень.

Вот скамейка, на которой сидят пацаны с сигаретами.

Вот женщина с тележкой, что всегда ругается на голубей.

Вот перекрёсток, у которого он однажды подрался.

И вот – те же ворота.

Она – как всегда – уже стояла там.

Диана.

Серая кофта, волосы в хвосте. В руках – тетрадь, по краям изрисованная.

Подруга что-то говорит, но Диана смотрит в одну точку – на него.

Он чувствует её взгляд, но не поднимает головы.

Не может.

Она ему нравится.

Давно. С того самого дня, когда она впервые рассмеялась на уроке так, будто забыла, что кто-то может осудить.

Смех у неё был тёплый, как чай, и звонкий, как стекло.

Но Амир не позволял себе даже думать о ней.

У неё, наверное, дома всё по-другому. У неё отец – не такой. Там никто не кричит, не бьёт, не валяется на полу. Там никто не просит прощения, когда поздно.

Он считал себя из другого мира. И этот мир не для Дианы.

Поэтому – не смотреть. Не улыбаться. Не надеяться.

Он прошёл мимо.

Как всегда.

У подъезда остановился. Слушал.

Тишина.

Это не хорошо.

Он медленно достал ключ, открыл дверь. Сразу почувствовал запах: табак и перегар.

На кухне – грязная тарелка, недопитый чай, пустая бутылка.

Он не снимал куртку.

Сначала – морозильник. Вынуть мясо.

Потом – лук. Нарезать.

Слезы от лука – единственные, которые можно не прятать.

Через пятнадцать минут надо идти в садик – за Дарменом.

Мама до позднего. Папа, кажется, спит. Дамир дома, с мультиками.

Это был обычный вечер. Один из сотен.

Амир привык.

Но иногда – всё равно хотелось спрятаться.

В музыку. В книгу. В сон, который не заканчивается утром.

Он прошёл в комнату, сел на подоконник.

Музыка не работала. Чай не налит. Глаза – сухие.

Где-то там, у школьных ворот, стояла девочка в серой кофте.

А здесь – дом.

И он – мальчик, который каждый день возвращается с

войны,

и первым делом... ставит мясо размораживаться.

Глава 2. Книга, которая знала ответы

У каждого мальчика должен быть отец.

Не просто человек, который приходит вечером и включает телевизор, а кто-то, кто может ответить.

На вопросы. На страхи. На будущее.

У Амира таким стал не Арсен.

У него был другой кумир – Мартин Иден.

Он нашёл книгу случайно – в коробке с учебниками, которую кто-то оставил на лестничной площадке.

Пожелтевшая обложка, оборванный корешок.

Он не сразу понял, о чём она. Но потом – не мог оторваться.

Мартин был как он. Простой, без связей, без денег.

Но – с мечтой. С яростью. С внутренним голодом.

Он читал ночами, пока не болели глаза. Он будто выписывал себе позвоночник из каждой главы.

«Он тоже не знал, кто он. Он тоже хотел доказать. Себе, им, миру.»

А потом – была библиотека.

Там пахло пылью, ладаном и чужими жизнями.

Он впервые взял книгу «Убить пересмешника» – потому что название было странным.

Но остался из-за Аттикуса Финча.

«Он не кричал. Он не бил. Он просто стоял – спокоен, как

скала. Даже когда против него был весь город.»

Амир прочёл цитату и выписал в тетрадь:

“Мужество – это когда ты знаешь, что проиграешь, но всё равно идёшь вперёд и держишься до конца.”

Он прочёл её двадцать раз.

И написал ниже:

«Вот какой отец нужен. Вот каким я стану. Даже если мне некому это показать.»

Ему нравились мужчины из книг.

Уставшие, но стойкие. Неидеальные, но настоящие.

Те, кто держат руку, когда страшно.

Кто не зовёт на помощь – а становится помощью.

Иногда, сидя на кухне и нарезая лук, он представлял себе: а если бы один из них зашёл сейчас в комнату?

Мартин. Или Аттикус.

Что бы они сказали?

«Встань. Собери себя. Это твоя жизнь – и ты за неё в ответе.»

Он завёл тетрадь – чёрную, без надписи.

На первой странице – карандашом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.